

ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕГИОНОВ

УДК: 342.417+341.231

JEL: F52, F63, H56

Эволюция научной дефиниции «экономический суверенитет государства» в классических и новейших теориях кризисов (катастроф)*М.Н. Дудин*, д.э.н., профессор<https://orcid.org/0000-0001-6317-2916>; SPIN-код (РИНЦ): 8139-4337

Scopus author ID: 55961173100

e-mail: dudinmn@mail.ru*С.В. Шкодинский*, д.э.н., профессор<https://orcid.org/0000-0002-5853-3585>; SPIN-код (РИНЦ): 5372-2519

Scopus author ID: 57192955537

e-mail: sh-serg@bk.ru*Д.И. Усманов*, к.э.н., доцент<https://orcid.org/0000-0002-0357-1584>; SPIN-код (РИНЦ): 7711-9284

Scopus author ID: 57212345986

e-mail: us.dali@mail.ru**Для цитирования**

Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Усманов Д.И. Эволюция научной дефиниции «экономический суверенитет государства» в классических и новейших теориях кризисов (катастроф) // Проблемы рыночной экономики. – 2021. – № 3. – С. 28-46.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-28-46>**Аннотация**

Предмет/тема. Статья посвящена изучению генезиса понятия «экономический суверенитет государства» в классических и новейших теориях кризисов (катастроф). **Методология.** В процессе подготовки научной публикации использовался широкий спектр общенаучных методов эмпирической группы, таких как наблюдение, сравнение, измерение, анализ и синтез, логические рассуждения, а также отдельные конкретно-научные методы: статистический анализ, экспертные оценки, графический метод. Для изучения процессов эволюции научно-понятийного аппарата с учетом динамики внешних вызовов и угроз, а также национальных приоритетов формирования цифровой экономики использовались проблемно-хронологический и историко-генетический методы научного познания. **Результаты.** По итогам научного исследования было установлено, что дефиниция «экономический суверенитет государства» является сложным многоаспектным понятием, тесно связанным с экономическим укладом государства и его стратегическими целями. Авторы провели ретроспективный анализ эволюции дефиниции «экономический суверенитет государства» с позиции классических и новейших теорий кризисов, обобщили динамику состава показателей государственного экономического суверенитета России. **Выводы/значимость.** В рамках научного исследования авторами сделан вывод о целесообразности использования принципа синергии и объединения постулатов классических и новейших теорий кризисов (катастроф), что позволяет представить концептуальное видение понятия «экономический суверенитет государства» в цифровой экономике как сложного многокомпонентного показателя, характеризующего самостоятельность реализации и защиты публичных экономических интересов, а

также устойчивость объектов национальной экономической инфраструктуры во внутреннем и внешнем киберпространстве страны. **Применение.** Результаты научного исследования могут быть использованы для развития академических компетенций обучающихся по вопросам государственного управления и обеспечения национальной безопасности страны в цифровой экономике; специалистами-практиками для развития профессиональных компетенций в сфере кибербезопасности, Форсайта; аналитиками для формирования долгосрочных государственных программ социально-экономического развития с учетом глобальных тенденций Индустрии 4.0.

Ключевые слова: *государственный суверенитет, цифровая экономика, политическая и экономическая самостоятельность, киберугрозы, устойчивое развитие, мягкая сила, технологическая зависимость*

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПР РАН, тема НИР «Институциональная трансформация экономической безопасности при решении социально-экономических проблем устойчивого развития национального хозяйства России».

Evolution of the scientific definition of «economic sovereignty of the state» in the classical and recent theories of crises (catastrophes)

Mikhail N. Dudin, Dr. of Sci. (Econ.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-6317-2916>; SPIN-code (RSCI): 8139-4337

Scopus author ID: 55961173100

e-mail: dudinmn@mail.ru

Sergey V. Shkodinsky, Dr. of Sci. (Econ.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-5853-3585>; SPIN-code (RSCI): 5372-2519

Scopus author ID: 57192955537

e-mail: sh-serg@bk.ru

Daler I. Usmanov, Cand. of Sci. (Econ.), Associate Professor

<https://orcid.org/0000-0002-0357-1584>; SSPIN-code (RSCI): 7711-9284

Scopus author ID: 57212345986

e-mail: us.dali@mail.ru

For citation

Dudin M.N., Shkodinsky S.V., Usmanov D.I. Evolution of the scientific definition of «economic sovereignty of the state» in the classical and recent theories of crises (catastrophes) // Market economy problems. – 2021. – No. 3. – Pp. 28-46 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-28-46>

Abstract

Subject/topic. The article is devoted to the study of the genesis of the concept of «economic sovereignty of the state» in the classical and newest theories of crises (catastrophes). **Methodology.** In the process of preparing a scientific publication, a wide range of general scientific methods of the empirical group was used, such as observation, comparison, measurement, analysis and synthesis, logical reasoning, as well as certain specific scientific methods: statistical analysis, expert assessments, graphical method. To study the processes of evolution of the scientific and conceptual apparatus, taking into account the dynamics of external challenges and threats, as well as national priorities for the formation of the digital economy, problem-chronological and historical-genetic

methods of scientific knowledge were used. **Results.** According to the results of the scientific study, it was found that the definition of «economic sovereignty of the state» is a complex multidimensional concept closely related to the economic structure of the state and its strategic goals. The authors carried out a retrospective analysis of the evolution of the definition of «economic sovereignty of the state» from the standpoint of classical and newest theories of crises, summarized the dynamics of the composition of indicators of the state economic sovereignty of Russia. **Conclusions/Significance.** As part of a scientific study, the authors concluded that it is advisable to use the principle of synergy and combine the postulates of classical and newest theories of crises (catastrophes), which allows us to present a conceptual vision of the concept of «economic sovereignty of the state» in the digital economy as a complex multicomponent indicator characterizing the independence of the implementation and protection of public economic interests, as well as the sustainability of objects of national economic infrastructure in the internal and external cyberspace of the country. **Application.** The results of scientific research can be used to develop the academic competencies of students in public administration and ensuring the national security of the country in the digital economy; practitioners to develop professional competencies in the field of cybersecurity, Foresight; analysts for the formation of long-term state programs of socio-economic development, taking into account the global trends of Industry 4.0.

Keywords: *state sovereignty, digital economy, political and economic independence, cyber threats, sustainable development, soft power, technological dependence*

The article was prepared within the framework of the state task of the MEI RAS, the topic of research «Institutional transformation of economic security in solving socio-economic problems of sustainable development of the national economy of Russia».

Введение

Интерес человечества к вопросу прогнозирования и управления кризисами как неотъемлемой частью жизненного цикла любой социально-экономической системы проявляется в научных трудах на протяжении всей истории развития экономической теории. Однако именно биология стала отправной точкой для формирования первых наблюдений и умозаключений о существовании определенных циклов в жизнедеятельности биологических систем. Так, благодаря научным изысканиям французского палеонтолога и зоолога Ж. Кювье была сформулирована теория «скачкообразного изменения», которая стала первой альтернативной теорией эволюции биологических систем (Денисова, <https://salik.biz/articles/27145-teorija-katastrof-kyuve.html>).

Несмотря на то, что в дальнейшем ее положения были подвергнуты сомнению ввиду игнорирования естественного отбора, сама идея о том, что в процессе своей жизнедеятельности организм или система под влиянием внутренних и внешних факторов может меняться настолько, что требуется резкое движение, чтобы разрушить устаревшие образы или поведенческие установки. Эта идея нашла активных сторонников в философии, политологии, а позже – в экономике и социологии.

В современных научных изысканиях катастрофы больше не рассматриваются как исключительное зло и бедствие для социально-экономической системы. Напротив, исследователи кризисов и катастроф заявляют о полезности и фундаментальной значимости таких явлений: если в системе происходят кризисы, значит она достигла пика своего развития и ищет новую точку роста для формирования иной лучшей версии организации бизнес-процессов и адекватного реагирования на изменяющиеся внешние вызовы и угрозы окружающей ее среды. В цифровой экономике теория катастроф приобрела «второе дыхание», т.к. основополагающие парадигмы четвертой промышленной революции, собственно приведшей к формированию нового экономического уклада, провозгласили противоречивые и неоднозначные с позиции защиты собственных интересов социально-экономических систем (государств) и самостоятельности поведения в мировом пространстве идеи: 1) *идею*

максимальной информационной транспарентности во имя формирования единого информационного пространства – рост информационной прозрачности снижает защищенность национальных интересов и безопасность государства; 2) идею интеграции и коллаборации стран в цифровой реальности – открытость информационного пространства многократно усиливает риски дестабилизации интеграционных структур со стороны наиболее технологически развитых государств мира. Кроме этого, фундаментальные положения цифровой экономики стали благодатной почвой для развития института хакинга, опасность которого сложно оценить, но сила и потенциал не дают повода усомниться в его реальной опасности для устойчивого развития любого государства.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что настоящее исследование направлено не только на анализ эволюционной составляющей научной дефиниции «экономический суверенитет государства» в классических и новейших теориях кризисов (катастроф), но и оценку современного состояния государственного суверенитета Российской Федерации в контексте эскалации конфликтности и противоречий на западном векторе экономических и политических интересов страны.

Обзор литературы и исследований

В научной литературе первым фундаментальным исследованием идей кризисов (катастроф) считается теория динамических систем (А. Пуанкаре и А.М. Ляпунов), смысл которой заключался в том, что для ряда объектов не действует правило линейных процессов: некоторое воздействие (возмущение) не обязательно приведет к заранее определенному результату, т.к. для его достижения требуется ряд взаимодействующих между собой факторов (раздражителей) (Афраймович и Рабинович, 2007). Благодаря вкладу А. Пуанкаре в научном мире началось формирование новой ветви знаний – нелинейной динамики – целью которой было изучение топологии поведения системы при воздействии на нее различных факторов.

Именно идея нелинейности поведения системы в дальнейшем была развита Дж. Биргофом в его научной работе «Динамические системы». Он ввел в научный оборот понятие запредельной точки, в которой прежние условия функционирования системы не выполняются, а с 1931 г. стал использоваться уже привычный сегодня термин «кризис», однако границами данных работ были исключительно естественные науки (Биргоф, 1999, с. 102-104; Birkhoff, 1931, с. 655).

Изучение теории кризисов (катастроф) в социально-экономических системах связано с именами Р. Тома (1960) и К. Зимана (1972), которые подошли к имеющимся достижениям в области управления динамическими системами достаточно прагматично, попытавшись применить выявленные ранее закономерности и механизмы функционирования систем с нелинейными процессами. Им успешно удалось реализовать эту идею, т.к. такие системы соответствуют основополагающим характеристикам динамических систем: 1) наличие множества достаточно самостоятельных в своих действиях акторов (граждане конкретного государства); 2) наличие общей цели-скелета в системе, определяющий вектор ее развития (аппарат государственного управления); 3) определенная самостоятельность системы относительно других подобных конструктов (каждое государство имеет право на суверенитет); 4) склонность социально-экономических систем к коллаборации и сотрудничеству, реже – к агрессивным актам (государства стремятся к сотрудничеству и конструктивному взаимодействию, реже – к войне) (Мухин, 2019, с. 99-100).

Несмотря на простоту и проверяемость указанных суждений, теория кризисов (катастроф), как ранее, так и сегодня, подвергается активной критике со стороны практиков ввиду невозможности решения главной задачи – предсказания с достаточной точностью наступления очередной точки бифуркации и описания наиболее вероятного вектора развития системы. В этой связи, значимость теории кризисов (катастроф) как на микро-, так и макроуровне невозможно игнорировать по следующим причинам:

во-первых, теория катастроф занимается анализом ранее накопленного управленческого опыта с позиции его соответствия законам жизненного цикла социально-экономических систем, что позволяет оценивать грамотность управления не только по количественным результатам, но и по качественным критериям гармоничности развития объекта во времени и пространстве (Головкин, 2013, с. 284);

во-вторых, в рамках теории катастроф изучаются причины достижения системой точки кризиса, ранжируются факторы-драйверы и стоп-факторы, что в дальнейшем является ценным практическим материалом для совершенствования процессов государственного управления и недопущения, или минимизации влияния негативных факторов или процессов (Неделько, 2010, с. 31-33; Михалев, 2011, с. 429-430);

в-третьих, теория катастроф активно развивается в военной сфере, которая с наступлением четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0) получила новое наполнение, т.к. цифровые технологии практически перевернули традиционное представление о военных действиях, сформировав принципиально новое направление – кибервойна, а для ее механизма осуществления положения теорий катастроф выступили научно-методологическим плацдармом (Perritt, 1998, с. 428-430; Rauhofer and Bowden, 2013).

Современное наполнение теории катастроф применительно к вопросу устойчивости функционирования социально-экономических систем в отечественной литературе принадлежит ученым Бородину А.И., Новиковой Н.Н., Шашу Н.Н. (2015), которые не только обосновали связь развития государства с точками бифуркаций, но и способствовали разработке экономического инструментария Форсайта для формирования долгосрочных прогнозов развития социально-экономических систем. В зарубежной научной среде следует отметить научные работы Б. Карлсона и С. Якобсона (Carlsson and Jacobsson, 2004), Дж. Кассингена, Л. Георхий (Cassingena Harper and Georghiou, 2005).

Многоаспектность понятия «государственный суверенитет» обусловлена синтезом как экономических (финансовых), так и военно-политических интересов государственных акторов-стейкхолдеров. Одни из первых научных трудов, посвященных государственному суверенитету как сложной многофакторной дефиниции, восходят к философским работам Т. Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651) и Дж. Локка «Два трактата о государственном правлении» (1690), в которых впервые было сформулировано понятие «государственный суверенитет» как искусственный продукт, созданный в рамках т.н. общественного договора между гражданами и институтом государственной власти, дающий последней превосходство в праве представлять множество частных интересов граждан через принимаемые законы и верховенство права над социальным статусом граждан (Меняева, 2015, с. 119). С позиции теории систем, общественный договор следует рассматривать с разных сторон: *с одной стороны*, для существования любой системы в принципе необходимо наличие ведущего звена, принимающего на себя ответственность за будущее всей системы; *с другой стороны*, государство является искусственным продуктом, созданным путем уступок частных прав во имя безопасности и устойчивости жизнедеятельности большего образования – социума (по мнению Т. Гоббса), что автоматически порождает точки напряженности внутри социально-экономической системы, т.к. идеального управления в реальности не может быть, а, значит, интересы отдельных акторов, так или иначе, будут ограничиваться или трансформироваться в новые гражданско-правовые конструкции.

Французский философ Ж.-Ж. Руссо, который апеллировал к проблеме искусственности формирования государства, считая его разрушителем естественных начал индивида (доброта, готовность помочь ближнему, пацифизм), считал, что государственный суверенитет – сформированный государственными акторами-стейкхолдерами манифест, призванный обеспечить верховенство интересов государства над частными через классовость и механизм права частной собственности.

Именно государство является ключевым актором, меняющим естественные начала человека на положения гражданского права и объекты собственности, что в конечном итоге приводит к дестабилизации социально-экономической системы и возникновению конфликтов (войне). По мнению Ж.-Ж. Руссо, несмотря на индивидуализм частных интересов, причиной кризисных явлений выступают искусственно созданные границы, нужные для управления социумом, при отсутствии которых общество гармонизируется и станет устойчивым. Несмотря на достаточно радикально негативное отношение философа к государству как институциональной структуре, он не призывал к его уничтожению, напротив, он акцентировал внимание на важность последней быть гибкой (проактивной), что позволит сбалансировать множество интересов всего социума, а венцом которого должен быть институт самоуправления (Чапчиков, 2017, с. 63-64). Ж.-Ж. Руссо считал, что государственный суверенитет следует рассматривать как способность государственных институтов сохранять свою дееспособность, несмотря на возникающие внутренние и внешние вызовы и угрозы.

Результаты

Учитывая тот факт, что суверенитет является обобщающей характеристикой самостоятельности и автономности социально-экономической системы, считаем целесообразным сделать акцент на более детальной проработке одного из главных его компонентов – экономического суверенитета государства. Рассмотрим ключевые подходы к понятию «экономический суверенитет государства», представленные в отечественной и зарубежной литературе (таблица 1).

Таблица 1 / Table 1

Определение понятия «экономический суверенитет государства» в отечественной и зарубежной литературе / Definition of the concept of «economic sovereignty of the state» in domestic and foreign literature

Автор (-ы)	Содержание понятия
<i>1. Зарубежные авторы</i>	
1. Дж. Коммонс (Commons, 1968, p. 287).	<i>Экономический суверенитет государства</i> – группа монопольных прав государственных институтов в части реализации макроэкономической политики страны.
2. О. Уильямсон (Williamson, 1985, p. 302).	<i>Государственный экономический суверенитет</i> – мера самостоятельности реализации экономических интересов государства внутри страны и при осуществлении международных экономических отношений.
3. У. Даггер (Dugger, 1992, p. 94-95).	<i>Экономический суверенитет государства</i> – обобщенная критериальная оценка устойчивости национальной экономики перед внутренними и внешними финансово-экономическими, политическими и технологическими вызовами и угрозами.
4. Симона Гоард-Фабре (Goyard-Fabre, 1991, p. 480).	<i>Экономический суверенитет государственного института</i> – способность профильных государственных органов экономической регуляции сохранять самостоятельность экономического курса и принятия решений с учетом мировых трендов глобализации и интеграции.
5. А. Мак-Ивэн (MacEwan, 1999, p. 201-202).	<i>Государственный экономический суверенитет</i> – состояние социально-экономической системы, при которой наиболее полно реализуются возможности осуществления интересов государственной макроэкономической политики внутри страны и за ее пределами.

Автор (-ы)	Содержание понятия
<i>II. Отечественные авторы</i>	
1. Кузнецов А.О. (2020, с. 154).	<i>Экономический суверенитет государства</i> – способность государства как социально-экономической системы представлять, осуществлять и защищать свои интересы на территории страны и в международном пространстве с учетом норм международного права.
2. Воробьева С.Ф. (2020, с. 414).	<i>Государственный экономический суверенитет</i> – мера самостоятельности осуществления уполномоченными государственными институтами финансово-экономических решений внутри страны и в международном пространстве.
3. Догадайло Е.Ю. (2018, с. 179-180).	<i>Экономический суверенитет государства</i> – возможность российского государства определять свою компетенцию в экономической сфере.
4. Катков А.Д. (2019, с. 68-69).	<i>Экономический суверенитет государства</i> – степень автономности институтов государственной власти, определяемая границами свободы принятия макроэкономических решений и присвоения результатов их реализации.

Источник: / Source: составлено авторами по данным (Commons, 1968; Williamson, 1985; Dugger, 1992; Goyard-Fabre, 1991; MacEwan, 1999; Кузнецов, 2020; Воробьева, 2020; Догадайло, 2018; Катков, 2019) / compiled by the authors according to the data (Commons, 1968; Williamson, 1985; Dugger, 1992; Goyard-Fabre, 1991; MacEwan, 1999; Kuznetsov, 2020; Vorobyova, 2020; Guess, 2018; Katkov, 2019).

Исходя из представленных выше научных суждений о сущности научной дефиниции «экономический суверенитет государства», можно сделать вывод о том, что в зарубежной научной литературе, акцент делается на возможность государства не только быть экономически самостоятельным в принципе, т.е. иметь собственное видение реализации государственной экономической политики, но и оказывать прямое и косвенное влияние на протекающие глобальные мегаэкономические процессы. В отечественной литературе, напротив, акцент в определении смещен именно на самостоятельность государственных институтов власти осуществлять экономическую политику внутри страны, и уже потом – в международном экономическом пространстве.

Данное различие является важным для дальнейшего исследования процессов эволюции понятия в классических и новейших теориях кризисов (катастроф), т.к. чем больше государство ориентировано на внешнее проявление собственных интересов в мировом финансово-экономическом пространстве, тем выше его роль и ответственность за устойчивость экономического развития. С учетом последних мировых трендов, порожденных цифровой экономикой, степень взаимовлияния государств становится все более высокой, а, значит, и угрозы принятия решений в собственных интересах мировыми экономическими лидерами будут возрастать.

Для качественного ретроспективного анализа эволюции дефиниции «экономический суверенитет государства» обратимся к теориям экономических циклов. Логика такова: кризис фактически означает завершение жизненного цикла функционирования некоторой социально-экономической системы, ее устаревание и неспособность государственными акторами в должной мере представлять публичные и частные интересы основных стейкхолдеров: граждан, бизнеса, политических и военных сил. Кроме этого, через анализ теорий экономических циклов, можно более тщательно исследовать причины кризисов (катастроф), механизмы их наступления и реакцию государства-актора на достижение точки бифуркации (таблица 2).

Таблица 2 / Table 2

Ретроспективный анализ эволюции научной дефиниции «экономический суверенитет государства» с позиции классических теорий кризисов (катастроф) / A retrospective analysis of the evolution of the scientific definition of «economic sovereignty of the state» from the perspective of classical theories of crises (catastrophes)

Наименование теории кризиса (катастрофы)	Описание теории экономического кризиса (катастрофы) и сущностного содержания научной дефиниции «экономический суверенитет государства»
1. Теория внешнего вмешательства (Лапкин и Пантин, 2019, с. 39-42).	<p><i>Хронологический этап формирования теории кризиса (катастрофы):</i> 1817-1830 гг.</p> <p><i>Ключевая научная персона:</i> Ж.-Б. Сэй.</p> <p><i>Содержание теории кризиса (катастрофы):</i> кризис является следствием неправомерного вмешательства на территорию некоторого государства извне вооруженными силами другого государства, в результате которого происходит резкое изменение баланса интересов и распределения ресурсов в сторону военных расходов и защиты территориальной целостности страны.</p> <p><i>Сущность научной дефиниции «экономический суверенитет государства»:</i> достаточность экономических ресурсов для ведения военных действий по защите собственных интересов, а также осуществление собственной военной интервенции на территорию другого государства.</p>
2. Теория кризиса перепроизводства (Мамонтов, 2015, с. 77-78).	<p><i>Хронологический этап формирования теории кризиса (катастрофы):</i> 1819-1850 гг.</p> <p><i>Ключевая научная персона:</i> Ж.-Ш. Сисмонди.</p> <p><i>Содержание теории кризиса (катастрофы):</i> кризис является следствием перепроизводства и перенакопления капитала государством как результат успешного ведения экспансий территорий и факторов производства. Ведущей силой является алчность и тяга к власти политических сил государства.</p> <p><i>Сущность научной дефиниции «экономический суверенитет государства»:</i> способность государственных институтов управления грамотно распоряжаться имеющимися ресурсами, а в случае их избытка – инвестировать в укрепление собственного могущества, например, в развитие военного превосходства, инфраструктурные программы (развитие торговых путей сообщения), финансовые механизмы (предоставление займов другим государствам).</p>
3. Теория всеобщей промышленной войны (Рыженков, 2018, с. 79-82).	<p><i>Хронологический этап формирования теории кризиса (катастрофы):</i> 1870-1920 гг.</p> <p><i>Ключевые научные персоны:</i> К. Маркс, Ф. Энгельс.</p> <p><i>Содержание теории кризиса (катастрофы):</i> кризис социально-экономической системы является исторически предопределённым для капиталистического строя, т.к. имеет место несправедливое распределение результатов общественного производства между группой частных владельцев факторов производства.</p> <p><i>Сущность научной дефиниции «экономический суверенитет государства»:</i> состояние социально-экономической системы, при котором она может управлять внутренними противоречиями интересов владельцев факторов производства и общественности достаточно долго для продолжения развития и защиты частной собственности от внешних интервенций.</p>

Наименование теории кризиса (катастрофы)	Описание теории экономического кризиса (катастрофы) и сущностного содержания научной дефиниции «экономический суверенитет государства»
4. Теория жизненного цикла инноваций (Нуреев и Карапаев, 2020, с. 49-53).	<p><i>Хронологический этап формирования теории кризиса (катастрофы):</i> 1930-1970 гг.</p> <p><i>Ключевая научная персона:</i> Й. Шумпетер.</p> <p><i>Содержание теории кризиса (катастрофы):</i> инновации являются естественным продуктом развития социально-экономической системы, позволяющим обеспечить ее долголетие и конкурентоспособность. Однако внедрение инноваций всегда сопровождается ломкой устоявшихся правил и механизмов, что и порождает кризис интересов и целей «отцов и детей» в масштабах всего государства или отдельной отрасли.</p> <p><i>Сущность научной дефиниции «экономический суверенитет государства»:</i> уровень развития социально-экономической системы или ее части, при которой наиболее полно реализуется ее право на выражение собственных интересов и целей не только в границах государства (отрасли), но и во внешнем окружении.</p>
5. Теория шоков на финансовом рынке (Hatzius, Hooper, Mishkin, Schoenholtz and Watson, 2010).	<p><i>Хронологический этап формирования теории кризиса (катастрофы):</i> 1980 – наст. вр.</p> <p><i>Ключевые научные персоны:</i> Х. Мински, Ж. Хат-Циус, П. Хупер, Ф. Мишкин.</p> <p><i>Содержание теории кризиса (катастрофы):</i> для скорейшего развития отраслей реального сектора экономики государство поощряет активизацию финансового рынка в части кредитования и эмиссии долговых ценных бумаг, однако по мере сокращения потребности бизнесов в финансировании возникает проблема избыточной ликвидности, которую необходимо либо направить на инвестирование в экономику других государств, либо, если это невозможно, должно выкупить государство по учетной ставке, что приводит к агентскому конфликту с инвесторами и формированию т.н. финансовых «пузырей».</p> <p><i>Сущность научной дефиниции «экономический суверенитет государства»:</i> способность государства эффективно управлять экономическими интересами реального и финансового секторов национальной экономики с целью недопущения возникновения финансовых «пузырей», приводящих к обвалу финансового рынка и сокращению инвестиционной активности.</p>

Источник: / Source: составлено авторами по данным (Лапкин и Пантин, 2019; Мамонтов, 2015; Рыженков, 2018; Нуреев и Карапаев, 2020; Hatzius, Hooper, Mishkin, Schoenholtz and Watson, 2010) / compiled by the authors according to (Lapkin and Pantin, 2019; Mamontov, 2015; Ryzhenkov, 2018; Nureyev and Karapaev, 2020; Hatzius, Hooper, Mishkin, Schoenholtz and Watson, 2010).

Данные таблицы 2 позволяют сделать следующие выводы:

1. основополагающей теорией кризисов (катастроф) выступала теория силового вмешательства извне на территорию государства с последующим установлением контроля или влияния над экономическими процессами. Согласно данной теории, экономический суверенитет отождествляется с наличием у государства ресурсов для ведения военных действий с целью защиты политического суверенитета. Теория подтверждается практикой войн в истории: любое государство-агрессор стремилось установить на территории государства – объекта интервенции – собственные правила экономического поведения.

Для РФ данная теория слабо применима ввиду мирной политики политических лидеров, но с позиции государства, на которое практически постоянно оказывается давление и угрозы т.н. физической интервенции, теория справедлива. Особенно это становится заметно в последнее десятилетие XXI в. с расцветом информационных технологий и объявленным

мировыми лидерами курса строительства цифровой экономики. Сегодня идея физической интервенции и нарушения экономического суверенитета государства трансформировалась в виртуальное воплощение и реализуется в цифровой среде мирового сетевого сообщества через инструменты хакерских кибератак и кибертерроризма на объекты экономической и финансовой инфраструктуры.

2. Среди классических теорий кризисов (катастроф) наиболее реалистичной с позиции ее верификации на реальных примерах является теория шоков на финансовом рынке. Сегодня ее роль сложно недооценить с позиции генерации потенциальных угроз для экономического суверенитета государства: в 1857-1858 гг. произошел «взрыв» первого «финансового пузыря», связанного со спекулятивными операциями с акциями ж/д компаний и некоторых товаров (зерно, продукция тяжелой промышленности); в 1914 г. ввиду стремительного роста военных расходов была осуществлена масштабная распродажа ценных бумаг иностранных эмитентов мировыми лидерами – США, Великобритания, Франция, Германия; третьим «финансовым пузырем» выступила Великая Депрессия в 1929-1933 гг., которая привела к катастрофическому обвалу акций на фондовой бирже.

В таблице 3 авторы систематизировали основные трактовки понятия «экономический суверенитет государства» с точки зрения новейших теорий кризисов (катастроф).

Таблица 3 / Table 3

Ретроспективный анализ эволюции научной дефиниции «экономический суверенитет государства» с позиции новейших теорий кризисов (катастроф) / A retrospective analysis of the evolution of the scientific definition of «economic sovereignty of the state» from the perspective of the latest theories of crises (catastrophes)

Наименование теории кризиса (катастрофы)	Описание теории экономического кризиса (катастрофы) и сущностного содержания научной дефиниции «экономический суверенитет государства»
1. Теория бильярдного стола (Хансен, 2008, с. 168-172).	<p><i>Хронологический этап формирования теории кризиса (катастрофы):</i> 2000 – наст. вр. <i>Ключевые научные персоны:</i> Р. Харрод, Э. Хансен. <i>Содержание теории кризиса (катастрофы):</i> любая социально-экономическая система имеет ряд естественных ограничений, например, невозможность обеспечить полную занятость, равенство доходов, полное отсутствие нарушений финансового права, следовательно развитие социально-экономической системы постоянно сталкивается с барьерными точками, и отталкиваясь от них, начинает новую траекторию развития, при этом кризис является индикатором достижения точки или нескольких точек, которые система не может преодолеть без внутренних реформ. <i>Сущность научной дефиниции «экономический суверенитет государства»:</i> способность государственных институтов экономической регуляции отстаивать и защищать собственные интересы как внутри страны, так и за ее границами несмотря на множественные ограничения и барьеры экономического и политического характеров происхождения.</p>
2. Теория делового политического цикла (Proietti, 2008, с. 228-230; Zhou and Li, 2009, с. 277-282).	<p><i>Хронологический этап формирования теории кризиса (катастрофы):</i> 2008 – наст. вр. <i>Ключевые научные персоны:</i> Т. Прозетти, Л. Жоу, Ю. Ли. <i>Содержание теории кризиса (катастрофы):</i> в государствах с сильной вертикалью политической власти развитие экономики находится под мощным влиянием, кроме этого, в таких государствах, активно применяется практика государственного финансирования приоритетных программ и отраслей, что создает внутренний дисбаланс развития национальной экономики, а разрешением нарастающего</p>

Наименование теории кризиса (катастрофы)	Описание теории экономического кризиса (катастрофы) и сущностного содержания научной дефиниции «экономический суверенитет государства»
	<p>противоречия деловых интересов бизнеса становится кризис в форме сокращения деловой активности в «непривлекательных» сферах, снижение интереса к инвестированию в неприоритетные отрасли.</p> <p><i>Сущность научной дефиниции «экономический суверенитет государства»:</i> способность государственных институтов сбалансированно управлять интересами экономических агентов с целью недопущения дисбаланса развития различных отраслей национальной экономики, и как следствие, ослабления макроэкономических позиций государства в международном экономическом пространстве.</p>
<p>3. Теория рациональных ожиданий (Кузнецов, 2011, с. 55-56).</p>	<p><i>Хронологический этап формирования теории кризиса (катастрофы):</i> 1995 г. – наст. вр.</p> <p><i>Ключевая научная персона:</i> Р.Э. Лукас.</p> <p><i>Содержание теории кризиса (катастрофы):</i> информация является важнейшим элементом принятия управленческих решений на всех уровнях социально-экономической системы. Следовательно, чем более асимметричен рынок в государстве, тем выше риски его неэффективной работы, например, монополизация, коррупционные составляющие, инсайдерские операции – все это приводит к накоплению критической массы несоблюдения интересов большинства основных экономических акторов и формированию конфликта с рыночной элитой и государственными институтами управления.</p> <p><i>Сущность научной дефиниции «экономический суверенитет государства»:</i> уровень организации взаимодействия экономических акторов, при котором минимизируется риск информационной асимметризации на рынке и повышается гарантия исполнения частных интересов всех его участников как внутри государства, так и за его пределами.</p>

Источник: / Source: составлено авторами по данным (Хансен, 2008; Proietti, 2008; Zhou and Li, 2009; Кузнецов, 2011) / compiled by the authors according to (Hansen, 2008; Proietti, 2008; Zhou and Li, 2009; Kuznetsov, 2011).

Как следует из приведенных в таблице 3 данных, в новейших теориях кризисов (катастроф) экономический суверенитет меняет свое наполнение в сторону внутренней организации информационных потоков в границах социально-экономической системы и за ее пределами, а также степени влияния органов государственной власти через инструменты финансирования приоритетных отраслей и (или) государственных программ.

Полагаем, что для Российской Федерации наиболее гармонично можно применить теорию делового политического цикла: *во-первых*, в РФ в приоритетных отраслях (нефтегазовая, аэрокосмическая, военно-промышленная) преобладают государственные предприятия; *во-вторых*, практически все мегапроекты, связанные с инновационным развитием страны и обеспечением национальной экономической безопасности, например, Национальная программа «Цифровая экономика» (<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>), федеральный проект «Цифровое государственное управление» (<https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/material/Паспорт-федерального-проектаЦифровое-государственное-управление.pdf>), Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31.12.2015 г. (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/) финансируются исключительно за счет средств государственного бюджета и специальных финансовых институтов развития; *в-третьих*, несмотря на публично декларируемые интересы поддержки и развития субъектов малого и среднего бизнеса, в настоящее время реальной опорой национального экономического суверенитета рассматривается суперкрупный корпоративный бизнес, что в целом позволяет сделать вывод о наличии предпосылок к асимметричности развития национальной экономики и

смещения рисков в сторону монополизации отраслей и лоббирования интересов отдельных суперакторов в регулятивных государственных институтах.

Обсуждение

Наш анализ показал, что дефиниция «экономический суверенитет государства» прошла сложный путь в поиске содержательного наполнения, но до сих пор остается предметом научных и практических дискуссий среди отечественных и зарубежных ученых. Вместе с тем, несмотря на сложность данного понятия, его роль остается неоспоримо важной, а с каждым шагом развития мировой социально-экономической системы по траектории, заданной четвертой промышленной революцией, именуемой Индустрией 4.0, значимость данной дефиниции экспоненциально возрастает. Это объясняется простыми, но очень глубокими причинами:

во-первых, начиная с 2015 г. наметился устойчивый тренд на возрастание взаимозависимости между странами-лидерами экономического развития – США, Китаем, Германией, Великобританией, что формирует в масштабах планеты новые центры экономической силы с последующей их экспансией на другие менее развитые страны (таблица 4).

Таблица 4 / Table 4

Степень взаимовлияния национальных экономик стран-лидеров экономического развития за 2015-2020 гг. / The degree of mutual influence of the national economies of the leading countries of economic development for 2015-2020

Показатели (импакт-факторы)	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1. Уровень инновационного развития национальной экономики (проникновение цифровых технологий в экономику)	0,7263	0,7041	0,7345	0,7412	0,7983	0,8285
2. Уровень развития человеческого капитала	0,5076	0,5812	0,6599	0,6611	0,6892	0,6974
3. Уровень инвестиционной привлекательности	0,7387	0,7216	0,6849	0,6795	0,6601	0,6216
4. Уровень развития электронного правительства	0,6216	0,6802	0,7072	0,7165	0,7226	0,7318
5. Уровень защищенности национальной экономики от кибератак (кибертерроризма)	0,5812	0,5546	0,5987	0,7628	0,7713	0,8012

Источник: / Source: составлено авторами по данным (Мировое экономическое положение и перспективы: сентябрь 2020 г., 2019, 2018, 2017; Основные показатели развития мировой экономики, «Мир в 2019 г.», «Мир в 2018 г.», «Мир в 2017 г.», «Мир в 2016 г.», «Мир в 2015 г.») / compiled by the authors according to data (World economic situation and prospects: September 2020, 2019, 2018, 2017; Key indicators of the development of the world economy, «World in 2019», «World in 2018», «World in 2017», «World in 2016», «World in 2015»).

Как видно из приведенных данных в таблице 4, начиная с 2015 г. формируется тренд на рост взаимовлияния экономик по таким критериям, как уровень инновационного развития (по данным за 2020 г. он составил 0,8285, или 82,9%), а также уровень защищенности национальной экономики от кибератак (кибертерроризма) (0,8012, или 80,1%), при этом такой фундаментальный показатель, как инвестиционная привлекательность снизилась с 0,7387 в 2015 г. до 0,6216 в 2020 г. Также следует отметить рост важности критерия развития человеческого капитала, его значимость в формировании взаимовлияния увеличилась с 0,5076 в 2015 г. до 0,6974 в 2020 г.

Во-вторых, для удержания лидирующей позиции в мировой иерархии наиболее сильных экономик, все чаще используются цифровые компетенции общества и цифровая зрелость социально-экономической системы, т.е. фактически сегодня декларируется ставка ведущих держав на технологическое и профессиональное превосходство именно в цифровой сфере, что обуславливает совершенно иные акценты при раскрытии содержания научной дефиниции «экономический суверенитет государства». По мнению авторов, в цифровой экономике данное понятие целесообразно соотносить с мерой устойчивости национальной экономики к внутренним и внешним вызовам и угрозам, генерируемым цифровым пространством взаимодействия акторов, т.е. речь идет не просто о смене акцентов в определении, а его глубококом пересмотре с учетом новейших трендов развития мировой экономики.

В-третьих, поскольку речь идет фактически о технологическом превосходстве государства над другими, именно за счет более высокого уровня развития цифровых технологий и соответствующих им цифровых компетенций, то следует обратить внимание на такое частное определение понятия «государственный суверенитет», как «цифровой суверенитет», появившийся в результате эскалации киберугроз национальным экономикам мира, ввиду всеобщего развития информационно-компьютерных технологий и появления сопутствующих им рисков.

На наш взгляд, «экономический суверенитет государства» в цифровой экономике – это сложный многокомпонентный показатель, характеризующий самостоятельность реализации и защиты публичных экономических интересов государства, а также устойчивость объектов национальной экономической инфраструктуры во внутреннем и внешнем киберпространстве страны.

Представленное определение не только уточняет и развивает понятийный аппарат государственного управления экономическими процессами, но и дает возможность гармонизировать и увязывать новейшие парадигмы управления цифровой экономикой с классическими установками государственных институтов-акторов. Четкое представление содержания понятий «суверенитет», «экономический суверенитет» с попытками расширить их сущностное наполнение позволяет государству не просто противостоять кризисным проявлениям, но находить новые, эффективные решения по минимизации их негативных последствий для социально-экономической системы в целом.

В заключение рассмотрим динамику состава показателей государственного экономического суверенитета РФ, представленных в основных международных рейтингах развития цифровой экономики, что позволит оценить основные точки укрепления самостоятельности и надежности формирующейся цифровой экономики, а также выявить проблемные зоны, требующие пристального внимания со стороны государства с целью недопущения дестабилизации (таблица 5).

Таблица 5 / Table 5

**Рейтинг экономического суверенитета РФ в международных рейтингах развития цифровой экономики и общества в 2015-2020 гг., пункты /
The rating of the economic sovereignty of the Russian Federation in the international ratings of the development of the digital economy and society in 2015-2020, points**

Рейтинговые критерии оценки	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1. Международный индекс цифровой экономики и общества	0,43	0,48	0,5	0,52	0,51	0,55
2. Индекс развития национального рынка ИКТ	6,79	6,91	7,07	7,11	7,14	7,2
3. Индекс глобального сетевого взаимодействия	0,39	0,41	0,46	0,49	0,49	0,53
4. Мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности	0,59	0,63	0,65	0,7	0,72	0,75

Рейтинговые критерии оценки	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
5. Глобальный индекс кибербезопасности	0,55	0,72	0,79	0,84	0,86	0,89
6. Глобальный инновационный индекс развития сферы высоких технологий	0,31	0,33	0,36	0,38	0,42	0,46

Источник: / Source: составлено авторами по данным (Индикаторы цифровой экономики: 2017, 2018, 2019, 2020) / compiled by the authors based on data (Digital Economy Indicators: 2017, 2018, 2019, 2020).

Как следует из приведенных в таблице 5 данных, Российская Федерация значительно преуспела в развитии национального рынка информационно-компьютерных технологий – по данным рейтинга за 2020 г. страна заняла 38-е место среди 167 стран. Второй точкой роста в обеспечении экономического суверенитета в цифровом мире является национальная система кибербезопасности – Россия заняла 19-е место среди 149 стран-участниц рейтинга. К проблемным зонам обеспечения экономического суверенитета относятся: *во-первых*, сравнительно низкий уровень инновационного развития сферы высоких технологий – по данному критерию РФ занимает 67-е место среди 158 стран, а это обуславливает высокую технологическую зависимость государства от импорта технологий и инструментов технологического оснащения цифровой инфраструктуры; *во-вторых*, в РФ по состоянию на конец 2020 г. уровень глобального сетевого взаимодействия составил 0,53, что соответствует 84-му месту в рейтинге среди 162 стран. И, хотя такое положение позволяет РФ более свободно выстраивать модель государственного экономического суверенитета, однако отчетливо проявляется ограниченность в доступе к механизму трансферта технологий и участию страны в глобальных цепочках создания добавленной стоимости.

Заключение

По результатам проведенного исследования было установлено, что научная дефиниция «экономический суверенитет государства» является сложным многоаспектным понятием, тесно связанным с экономическим укладом государства и его стратегическими целями.

В процессе реализации ретроспективного семантического анализа научного понятия авторы установили, что все теории, описывающие данную понятийную конструкцию в контексте теорий кризисов (катастроф) могут быть разделены на две группы: 1) *классические теории кризисов (катастроф)* видят экономический суверенитет государства как достаточное наличие внутренних ресурсов для защиты собственных интересов государства, а также обладание правом принуждения и верховенства при разрешении агентских конфликтов экономических акторов внутри социально-экономической системы; 2) *новейшие теории кризисов (катастроф)* рассматривают экономический суверенитет государства, как такую степень организации взаимодействия экономических акторов, при которой минимизируется риск информационной асимметрии на рынке и повышается гарантия исполнения частных интересов всех его участников как внутри государства, так и за его пределами. Т.е. новейшие теории кризисов делают акцент на причинах кризисов, порождаемых асимметричностью информации и искусственными барьерами, создаваемыми как внутри экономического государства, так и за его пределами, силами его оппозиционеров и политических противников.

Исходя из вышесказанного, авторами сделан вывод о целесообразности использования принципа синергии и объединения постулатов классических и новейших теорий кризисов (катастроф), что позволяет представить концептуальное видение понятия «экономический суверенитет государства» в цифровой экономике как сложный многокомпонентный показатель, характеризующий самостоятельность реализации и защиты публичных экономических

интересов и целей и устойчивость объектов национальной экономической инфраструктуры во внутреннем и внешнем киберпространстве страны.

Литература / References

1. Абдрахманова, Г.И., Гохберг, Л.М., Кевеш, М.А. и др. (2017), *Индикаторы цифровой экономики: 2017: статистический сборник*, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ, М., 320 с. [Abdrakhmanova, G.I., Gokhberg, L.M., Kevesh, M.A. at al (2017), *Indicators of digital economy: 2017: statistical collection*, «Higher School of Economics» University, HSE, M., 320 p.].

2. Абдрахманова, Г.И., Вишнеvский, К.О., Волкова, Г.Л., Гохберг, Л.М. и др. (2018), *Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник*, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ, М., 268 с. [Abdrakhmanova, G.I., Vishnevsky, K.O., Volkova, G.L., Gokhberg, L.M. at al (2018), *Indicators of digital economy: 2018: statistical collection*, «Higher School of Economics» University, HSE, M., 268 p.].

3. Абдрахманова, Г.И., Вишнеvский, К.О., Гохберг, Л.М. и др. (2019), *Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник*, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ, М., 248 с. [Abdrakhmanova, G.I., Vishnevsky, K.O., Gokhberg, L.M. at al (2019), *Indicators of digital economy: 2019: statistical collection*, «Higher School of Economics» University, HSE, M., 248 p.].

4. Абдрахманова, Г.И., Вишнеvский, К.О., Гохберг Л.М. и др. (2020), *Индикаторы цифровой экономики: 2020: статистический сборник*, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ, М., 360 с. [Abdrakhmanova, G.I., Vishnevsky, K.O., Gokhberg, L.M. at al (2020), *Indicators of digital economy: 2020: statistical collection*, «Higher School of Economics» University, HSE, M., 360 p.].

5. Афраимович, В.С. и Рабинович, М.И. (2007), «Динамическая система», *Большая российская энциклопедия*, том 9, с. 12-13, доступно по адресу: <https://bigenc.ru/physics/text/1956597> (Дата обращения 20.05.2021). [Afraimovich, V.S. and Rabinovich, M.I. (2007), «Dynamic system», *The Great Russian Encyclopedia*, vol. 9, pp. 12-13, available at: <https://bigenc.ru/physics/text/1956597> (Accessed 20.05.2021)].

6. Биркгоф, Дж. (1999), *Динамические системы*, пер. с англ., РХД, Ижевск, 408 с. [Birkhof, J. (1999), *Dynamical systems*, trans. from English, RCD, Izevsk, 408 c.].

7. Бородин, А.И., Новикова, Н.Н. и Шаш, Н.Н. (2015), Применение синергетических методов и теории катастроф, *Эффективное антикризисное управление*, № 2 (89), с. 84-91. [Borodin, A.I., Novikova, N.N. and Shash, N.N. (2015), «Application of synergetic methods and catastrophe theory», *Effective Crisis Management*, no 2 (89), pp. 84-91].

8. Воробьева, С.Ф. (2020), «Актуализация исследований проблематики суверенизации современного государства как фактора стабилизации межгосударственных отношений», *Государственно-правовые исследования*, вып. 3, с. 412-418. [Vorobyeva, S.F. (2020), «Actualization of research of the problems of sovereignty of the modern state as a factor of stabilization of interstate relations», *State-legal studies*, vol. 3, pp. 412-418].

9. Голоvко, Е.В. (2013), «Дефиниции устойчивости экономической системы», *Молодой ученый*, № 5, с. 283-285. [Golovko, E.V. (2013), «Determinations of Stability of Economic System», *Young Scientist*, no. 5, pp. 283-285].

10. Гребнев, Л.С. (1996), «Экономический суверенитет: свобода хозяйствования или обеспеченность существования?», *Суверенитет в экономике*, гл. 2, с. 24-68, ГУ-ВШЭ, М., доступно по адресу: <https://publications.hse.ru/books/90007003> (Дата обращения 21.05.2021). [Grebnev, L.S. (1996), «Economic sovereignty: freedom of economic management or security of existence?», *Sovereignty in the Economy*, ch. 2, pp. 24-68, Higher School of Economics, M., available at: <https://publications.hse.ru/books/90007003> (Accessed 21.05.2021)].

11. Денисова, П., «Теория катастроф Кювье», *Тайны катастроф*, доступно по адресу: <https://salik.biz/articles/27145-teorija-katastrof-kyuve.html> (Дата обращения 21.05.2021). [Denisova, P., «Cuvier's theory of catastrophes», *Secrets of catastrophes*, available at: <https://salik.biz/articles/27145-teorija-katastrof-kyuve.html> (Accessed 21.05.2021)].

12. Догадайло, Е.Ю. (2018), “Экономический суверенитет Российской Федерации: анализ основных правовых форм реализации на современном этапе”, *Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки*, № 3, с. 177-185. [Dogadaylo, E.Yu. (2018), “Economic sovereignty of the Russian Federation: analysis of the main legal forms of implementation at the present stage”, *Bulletin of Tuva State University. Social and humanitarian sciences*, no. 3, pp. 177-185].

13. Катков, А.Д. (2019), “Процесс глобализации и проблема ограничения суверенитета (векторы политико-академической дискуссии)”, *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, № 1, с. 61-79. [Katkov, A.D. (2019), “The globalization process and the problem of sovereignty limitation (vectors of political-academic discussion)”, *Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (State and society)*, no. 1, pp. 61-79].

14. Кузнецов, А.О. (2020), “Национальная экономическая безопасность в условиях глобализации”, *Московский экономический журнал*, № 1, с. 152-158. [Kuznetsov, A.O. (2020), “National economic security in the context of globalization”, *Moscow Economic Journal*, no. 1, pp. 152-158].

15. Кузнецов, Ю.А. (2011), “Математическое моделирование экономических циклов: факты, концепции, результаты (Окончание)”, *Экономический анализ: теория и практика*, № 18 (225), с. 42-58. [Kuznetsov, Y.A. (2011), “Mathematical modeling of economic cycles: facts, concepts, results (Conclusion)”, *Economic analysis: theory and practice*, no. 18 (225), pp. 42-58].

16. Лапкин, В.В. и Пантин, В.И. (2019), “Историческая динамика международной рыночной системы: циклы лидерства, геополитическая экспансия и перспективы трансформации мирового порядка”, *История и современность*, № 1, с. 17-61. [Lapkin, V.V. and Pantin, V.I. (2019), “Historical dynamics of the international market system: cycles of leadership, geopolitical expansion and prospects for the transformation of the world order”, *History and Modernity*, no. 1, pp. 17-61].

17. Мамонтов, В.Д. (2015), “Новая политическая экономия С. Сисмонди как проект общества социального благоденствия”, *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, № 7 (147), с. 73-79. [Mamontov, V.D. (2015), “New Political Economy of S. Sismondi as a Project of Social Welfare Society”, *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, no. 7 (147), pp. 73-79].

18. Меняева, М.П. (2015), “Идея культуры согласия в контексте теорий «Общественного договора» Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо”, *Социум и власть*, № 1 (51), с. 115-121. [Menyayeva, M.P. (2015), “The idea of the culture of consent in the context of the theories of the Social Contract of T. Hobbes, J. Locke and J.-J. Rousseau”, *Socium and power*, no. 1 (51), pp. 115-121].

19. *Мировое экономическое положение и перспективы, 2017 год*, доступно по адресу: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/2017wesp_es_ru.pdf (Дата обращения 29.05.2021, свободный). [*World Economic Situation and Prospects, 2017*, available at: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/2017wesp_es_ru.pdf (Accessed 29.05.2021, free)].

20. *Мировое экономическое положение и перспективы, 2018 год*, Краткое резюме, (11.12.2017), доступно по адресу: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/мировое-экономическое-положение-и-пе/> (Дата обращения 27.05.2021, свободный). [*World Economic Situation and Prospects, 2018*, Executive Summary, (11.12.2017), available at: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/мировое-экономическое-положение-и-пе/> (Accessed 27.05.2021, free)].

21. *Мировое экономическое положение и перспективы, 2019 год*, Краткое резюме, (21.01.2019), доступно по адресу: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/мировое-экономическое-положение-и-пе-2/> (Дата обращения 27.05.2021, свободный). [*World Economic Situation and Prospects, 2019*, Executive Summary, (21.01.2019), available at: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/мировое-экономическое-положение-и-пе-2/> (Accessed 27.05.2021, free)].

22. *Мировое экономическое положение и перспективы: сентябрь 2020 г.*, (29.09.2020), доступно по адресу: <https://roscongress.org/materials/мировое-экономическое-положение-и-перспективы->

sentyabr-2020-g-141/ (Дата обращения 26.05.2021, свободный). [*World Economic Situation and Prospects: September 2020*, (29.09.2020), available at: <https://roscongress.org/materials/mirovoe-ekonomicheskoe-polozhenie-i-perspektivy-sentyabr-2020-g-141/> (Accessed 26.05.2021, free)].

23. Михалев, О.В. (2011), *Проблемы экономической устойчивости в теории и практике управления региональными хозяйственными системами: Монография*, Изд-во ОмГПУ, Омск, 322 с. [Mikhalev, O.V. (2011), *Problems of economic stability in the theory and practice of management of regional economic systems: Monograph*, Izd vo OmGPU, Omsk, 322 p.].

24. Мухин, Р.Р. (2019), “Из истории теории динамических систем: Проблема классификации”, *Известия вузов. ПНД*, т. 27, № 5, с. 95-112, DOI: <https://doi.org/10.18500/0869-6632-2019-27-5-95-112>. [Mukhin, R.R. (2019), “From the History of Dynamic Systems Theory: The Problem of Classification”, *News of universities, PND*, vol. 27, no. 5, pp. 95-112, DOI: <https://doi.org/10.18500/0869-6632-2019-27-5-95-112>].

25. Неделько, Н.С. (2010), “Использование теории катастроф к анализу поведения экономических систем”, *Вестник МГТУ*, т. 13, № 1, с. 223-227. [Nedelko, N.S. (2010), “The Use of Catastrophe Theory to Analyze the Behavior of Economic Systems”, *Bulletin MSTU*, vol. 13, no. 1, pp. 223-227].

26. Нуреев, Р.М. и Карапаев, О.В. (2020), “Цифровизация экономики в контексте волнообразного характера инновационного развития”, *Управленческие науки*, № 10 (1), с. 36-54, DOI: 10.26794/2404-022X-2020-10-1-36-54. [Nureev, R.M. and Karapaev, O.V. (2020), “Digitalization of Economy in the Context of the Wave-like Nature of Innovative Development”, *Management Sciences in Russia*, no. 10 (1), pp. 36-54, DOI: 10.26794/2404-022X-2020-10-1-36-54].

27. *Основные показатели развития мировой экономики, «Мир в 2015 г.»*, (2016), доступно по адресу: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2016/mir-v-2015-g> (Дата обращения 29.05.2021, свободный). [*Key indicators of global economic development, «The World in 2015»*, (2016), available at: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2016/mir-v-2015-g> (Accessed 29.05.2021, free)].

28. *Основные показатели развития мировой экономики, «Мир в 2016 г.»*, (2017), доступно по адресу: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2017/mir-v-2016-g> (Дата обращения 29.05.2021, свободный). [*Key indicators of global economic development, «The World in 2016»*, (2017), available at: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2017/mir-v-2016-g> (Accessed 29.05.2021, free)].

29. *Основные показатели развития мировой экономики, «Мир в 2017 г.»*, (2018), доступно по адресу: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2018/mir-v-2017-g> (Дата обращения 28.05.2021, свободный). [*Key indicators of global economic development, «The World in 2017»*, (2018), available at: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2018/mir-v-2017-g> (Accessed 28.05.2021, free)].

30. *Основные показатели развития мировой экономики, «Мир в 2018 г.»*, (2019), доступно по адресу: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2019/mir-v-2018-g> (Дата обращения 28.05.2021, свободный). [*Key indicators of global economic development, «The World in 2018»*, (2019), available at: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2019/mir-v-2018-g> (Accessed 28.05.2021, free)].

31. *Основные показатели развития мировой экономики, «Мир в 2019 г.»*, (2020), доступно по адресу: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2020/mir-v-2019-g> (Дата обращения 28.05.2021, свободный). [*Key indicators of global economic development, «The World in 2019»*, (2020), available at: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2020/mir-v-2019-g> (Accessed 28.05.2021, free)].

32. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление», доступно по адресу: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/material/Паспорт-федерального-проекта-Цифровое-государственное-управление.pdf> (Дата обращения 26.05.2021, свободный). [Passport of the federal project «Digital Public Administration», available at: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/material/Паспорт-федерального-проекта-Цифровое-государственное-управление.pdf> (Accessed 26.05.2021, free)].

33. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р «Цифровая экономика Российской Федерации», доступно по адресу: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v>

7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (Дата обращения 05.05.2021, свободный). [Decree of the Government of the Russian Federation from 28.07.2017 № 1632-р «Digital economy of the Russian Federation», available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v> 7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (Accessed 05.05.2021, free)].

34. Рыженков, А.В. (2018), “Теория промышленного цикла Маркса и новаторские модели расширенного воспроизводства в США”, *Идеи и идеалы*, т. 2, № 4, с. 71-93, DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-71-93. [Ryzhenkov, A.V. (2018), “Marx's Industrial Cycle Theory and Innovative Models of Extended Reproduction in the United States”, *Ideas and Ideals*, vol. 2, no. 4, pp. 71-93, DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-71-93].

35. Указ Президента РФ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», доступно по адресу: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (Дата обращения 09.05.2021, свободный). [Decree of the President of the Russian Federation № 683 «On the National Security Strategy of the Russian Federation», available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (Accessed 09.05.2021, free)].

36. Хансен, Э. (2008), *Экономические циклы и национальный доход*, Финансовая Академия, М., 466 с. [Hansen, E. (2008), *Economic Cycles and National Income*, Financial Academy of Sciences, M., 466 p.].

37. Чапчиков, С.Ю. (2017), “Категория «Суверенитета»: генезис и современные трактовки в юридической науке”, *Правовая парадигма*, т. 16, № 1, с. 61-67. [Chapchikov, S.Yu. (2017), “The category of «Sovereignty»: genesis and modern interpretations in legal science”, *Legal Concept*, vol. 16, no 1, pp. 61-67].

38. Birkhoff, G.D. (1931), “Proof of recurrence theorem for strongly transitive systems and proof of the ergodic theorem”, *Proc. Nat. Acad. Sci. Amer.*, vol. 17, pp. 650-660.

39. Dugger, W.M. (1992), *An Evolutionary View of the State and the Market*, in W.M. Dugger et W.T. Waller, edits, *The Stratified State*, Armonk, M.E. Sharpe, pp. 87-115.

40. Carlsson, B. and Jacobsson, S. (2004), “Dynamics of Innovation Systems: Policymaking, Complex and Nondeterministic World”, *International Workshop on Functions of Innovation Systems*, Utrecht University, 158 p.

41. Cassingena, Harper J. and Georghiou, L. (2005), “The Targeted and Unforeseen Impacts of Foresight on Innovation Policy: The eFORESEE Malta Case Study”, *International Journal of Foresight and Innovation Policy*, no. 2 (1), pp. 84-103.

42. Commons, J., (1968), *Legal Foundation of Capitalism*, Univ. of Wisconsin, Madison, 567 p.

43. Goyard-Fabre S., (1991), “Y-a-t-il une crise de la souveraineté?”, *Revue Internationale de Philosophie*, vol. 45, no. 179 (4), pp. 459-496.

44. Hatzius, Jan, Hooper, Peter, Mishkin, Frederic S., Schoenholtz, Kermit L. and Watson Mark W. (July 2010), “Financial Conditions Indexes: A Fresh Look after the Financial Crisis”, NBER Working Paper No. w16150, available at: <https://ssrn.com/abstract=1635673>.

45. MacEwan, A. (1999), *Neo-Liberalism or Democracy? Economic Strategy, Markets and Alternatives For the 21st Century*, Zed Books, New York, 529 p.

46. Perritt, Henry H. Jr. (1998), “The Internet as a Threat to Sovereignty? Thoughts on the Internet's Role in Strengthening National and Global Governance”, *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 5, issue 2, pp. 423-442.

47. Proietti, T. (2008), “Structural Time Series Models for Business Cycle Analysis”, *Handbook of Econometrics*, vol. 2, Applied Econometrics, part 3.4., ed. T. Mills and K. Patterson, Palgrave, London, 389 p.

48. Rauhofer, J. and Bowden, C. (2013), “Protecting Their Own: Fundamental Rights Implications for EU Data Sovereignty in the Cloud”, *Edinburgh School of Law Research Paper*, no. 2013/28, DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2283175>.

49. Williamson, O.E. (1985), *The Economics Institutions of Capitalism*, The Free Press, New York, 483 p.

50. Zhou, L. and Li, Y. (2009), “A dynamic IS-LM business cycle model with two-time delays in capital accumulation equation”, *Journal of Computational and Applied Mathematics*, vol. 228, no. 1, pp. 258-300.

Об авторах

Дудин Михаил Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке, Институт проблем рынка РАН, Москва.

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией промышленной политики и экономической безопасности, Институт проблем рынка РАН, Москва.

Усманов Далер Ирматович, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва.

About authors

Mikhail N. Dudin, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director, Market Economy Institute of RAS, Moscow.

Sergey V. Shkodinsky, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Head of the Lab. of Industrial Policy and Economic Security, Market Economy Institute of RAS, Moscow.

Daler I. Usmanov, Candidate of Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow.